СИЗИКОВА ТАТЬЯНА ЭДУАРДОВНА

Новосибирский государственный педагогический университет. Новосибирск, Россия.

E-mail: tat@ccru.ru

УДК 159.9

ВЫЗОВ ЖИЗНИ — ВЫЗОВ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

В статье рассматривается поиск решения психофизиологической проблемы, как актуальной для построения психологического знания и которую нельзя обойти. Выделяется влияние личности психолога и физиолога в поиске решения и необходимости согласования. Определяются подходы к категории «целое» для психики. Анализ поиска решения проблемы не носит обзорного характера, а выделяет два противоположных подхода исследования психики на основе «целого», отражающегося в каждой его части — объективную психологию Б. М. Бехтерева и культурно-историческую психологию Л. С. Выготского, показывая, что последняя может рассматриваться как валидная теория в решении психофизиологической проблемы. Проект Л. С. Выготского психологической физиологии может рассматриваться как перспективный для наук в современных условиях.

Ключевые слова: психофизиологическая проблема, объективная психология, целое, психика, физиология, культурно-историческая психология.

Tatiana E. Sizikova

**Novosibirsk State Pedagogical University,
Novosibirsk, Russia
E-mail: tat@ccru.ru**

THE CHALLENGE OF LIFE IS THE CHALLENGE OF CULTURAL AND HISTORICAL PSYCHOLOGY

The article considers the search for a solution to a psychophysiological problem as relevant for the construction of psychological knowledge and which cannot be circumvented. The influence of the personality of the psychologist and physiologist in the search for a solution and the need for coordination stands out. Approaches to the «whole» category for the psyche are determined. The analysis of the search for a solution to the problem is not of a review nature, but highlights two opposite approaches to the study of the psyche on the basis of the «whole», reflected in each of its parts — the objective psychology of B. Min Bekhtereva and cultural and historical psychology of L. S. Vygotsky, showing that the latter can be considered as a valid theory in solving a psychophysiological problem. Project L. S. Vygotsky psychological physiology can be considered as promising for science in modern conditions.

Keywords: psychophysiological problem, objective psychology, whole, psyche, physiology, cultural and historical psychology.

DOI: 10.32691/2410-0935-2026-21-176-192

© Т. Э. Сизикова 2026

Введение

В сформулированной теме статьи вызовом жизни является необходимость решения фундаментальной проблемы психологии — противоречие (мнимое / явное) между физическим и психическим. Этот вызов — камень преткновения естественнонаучных и гуманитарных наук. «А что делать-то?» Как прийти к общему языку, если физиологи пытаются захватить психологию, подмять под себя, а психологи боятся физиологии?» [Ильин, Алехин 2026] Культурно-историческая психология не могла не ответить на данный вызов. От решения этой проблемы зависит полноценная забота о здоровье человека, его обучении и развитии, в целом, здоровый во всех смыслах образ жизни.

Роль личности в научных противоречиях

Философия Нового времени породила в полной мере само по себе в себе конфликтное противоречие (противоречие может быть не конфликтным) между физическим и психическим в человеке, запустив волнение в понимание человеком себя и своей жизни в мире. Внесенный дуализм в рефлексию, в самосознание человека, имело последствия в виде невротизации общества, акцентировании внимания социальных и психологических концепций на поиске себя человеком, поиске целостности в душевной жизни личности. Когда есть поиск есть и разрыв. «Разорванный» человек — это человек либо спасающий себя, либо не спасающей, а когда же Живущий?

Сложившиеся полтора века назад конфликтные между собой решения психофизической и психофизиологической проблем, которая является частью первой, привели к глубокому кризису наук о человеке: естественнонаучное, сконцентрировавшись на лекарствах и объективных методах диагностики на самом деле забыло, что организм не единственный в человеке, а гуманитарные науки возвысили душу, оторвав ее от того земного (материи), где она находит свое временное или не временное пристанище. Констатация глубокого кризиса экзистенциалистами была воспринята невротизированным обществом как само собой разумеющееся и не насторожило возможными еще более глубокими последствиями. Б. С. Братусь говорил в выступлении, посвященном 30-летию «Психологической газеты»: «Люди тоннами принимают лекарства. Интеллигентному человеку неудобно не иметь невроза, не удобно не иметь психотерапевта. Армия психотерапевтов скоро сравняется с армией обычных людей, иногда они будут меняться местами и так далее... Посмотрите, что вообще происходит с человеком. Несмотря на такой прогресс в психологии замечательный... Что происходит?» [Братусь 2026].

Психология, раздираемая личностями, до настоящего времени ищет корни самоидентичности. Поиски ее обременены. Е. П. Ильин показал, как в психологии обучают по не валидным теориям, физиология расширяет непомерно границы, неадекватное понимание принимается в научном сообществе, дилетантство в определенные моменты жизни неизбежно, но влияет на научное знание:

> «мы опять не заметили самого главного, что Маслоу написал в своей книге: "...всё, что я писал — это научная утопия". Как Сеченов написал в "Рефлексах...", что всё написанное им — гипотеза, то есть не доказанные вещи. А нам семьдесят лет говорили, что это уже доказано. На самом деле ничего не доказано — это всё гипотеза. Так же и Маслоу честно признаётся, что это

научная утопия и ничего больше. Можно ещё долго разговаривать на эту тему <...> С моей точки зрения, очень талантлив был Симонов Павел Васильевич. У него блестящая докторская диссертация как физиолога. Он доказал, что существуют микрофазы парабиоза. Что на слабый раздражитель сначала появляется не рост подпорогового возбуждения, а торможение, которое он назвал превентивным. И эти его эксперименты обосновывают гомеопатию. Что делает гомеопатия — лечит малыми дозами, чтобы процесс закончился, не развился в нарыв, а завершился в зародыше. Симонов как раз и обосновывает это своим учением. Но потом вдруг он захотел изучать психологию. И вот тут началось. Знаете все его знаменитую формулу эмоций, да? Это же полный бред! Эта формула работает только в одном случае. А Симонов пишет, что это единственно правильное объяснение эмоций. <...> когда на конференции докладывала одна "педагогиня" и говорила: "Я использовала метод программированного обучения". Знаете, был в своё время такой метод. Задаются вопросы на компьютере, если правильно угадал ответ, нажми следующую кнопку, снова три вопроса и так далее. Метод сам по себе неплох для индивидуального продвижения. Но когда спросили, в чём заключается её метод программированного обучения, она ответила: "Как же? Я ведь по программе учебной обучала" <...> Когда я учился в медицинском институте и занимался физиологией, то, естественно, был горячим сторонником и поклонником Ивана Петровича Павлова. В студенческие годы я уже прочитал "Рефлексы головного мозга" Сеченова. Естественно, опять в соответствии с установками, которые тогда давались. То есть никаких неточностей и противоречий я тогда не замечал. Всё было гладко. Но в то же время, будучи уже аспирантом, я яро выступал против представления Анохина, против представления Бернштейна о кольцевом принципе управления, ничего опять-таки в этом толком не понимая (это я молодым говорю, что, прежде чем кого-то поносить, надо разобраться с толком, что это такое). А потом всё пришло как-то в норму, потому что, делая один эксперимент, я убедился, что без использования схемы Бернштейна у меня ничего не объясняется. Жизнь заставила признать правоту Николая Александровича» [Ильин, Алехин 2026].

Приведенные тексты показывают влияние разных факторов на отношения в научном сообществе, причин и последствий рассогласований, разных пониманий и другого, всего того, что является препятствием для согласованности наук без экспансии, подмен и конфликта личностей.

Диалог между учеными психологами, физиологами, педагогами наиболее ярко показывает положение представляемых ими наук:

«Д. Н. Давиденко: Вот я получил удовлетворение, но до сих пор не знаю, что такое психофизиология.

Е. П. Ильин: Объясняю. Это такая научная дисциплина, которая пытается с помощью физиологических закономерностей объяснить психические явления.

А. Н. Алёхин: А вот скажите тогда, Евгений Павлович, а что же тогда остается психологии?

Е. П. Ильин: Психологии остается только то, что сейчас называется душой.

А. Н. Алёхин: Так это ненаучно. И получается — не нужна психология.

Е. П. Ильин: Вот я материалист. Я бывший физиолог, но я считаю, что настоящая психология, не психофизиология, а настоящая психология, начинается тогда, когда начинает заключаться духовный мир человека. Вот что такое настоящая психология, а всё остальное — это психофизиология.

Н. М. Горчакова: Вы сказали, что для того, чтобы психология стала наукой, нам нужен сначала здравый смысл, а потом эксперимент. Если предметом психологии будет душа, можно ли над душой ставить эксперимент, и как это будет выглядеть?

Е. П. Ильин: Я не люблю слово «душа». Я говорю о духовном мире человека. А вот духовный мир человека, с моей точки зрения, разлагаем на разные понятия, на разные феномены и так далее. Вот здесь мы можем договориться. Сейчас — кто же там писал Аллахвердову в письме? — мы, по сути дела, с той точкой зрения, что надо с экспериментально изучать душу, возвращаемся к Декарту и ко всем прочим. Понимаете? Возвращаемся к этому. Сейчас мы подругому должны это понимать.

<...>

И. П. Лапин: Ведь я хотел спросить немножко другое. Когда грань между теорией и практикой стирается, тогда с точки зрения теории уйма вопросов возникает: от физиологии, психофизиологии, психологии. Это философия, это педагогика и так далее. Ведь здесь мы говорим о практике, я так понял, о жизни, когда с этим реально сталкиваешься» [Ильин, Алехин 2026].

В итоге среди наук сложилась парадоксальная ситуация: «биологи, физиологи не понимают психологию, а психологи, в свою очередь, стараются обходить стороной фундаментальные вопросы физиологии и биологии. Получается разрыв, который ничего хорошего в системном образовании будущих специалистов не даёт» [Ильин, Алехин 2026].

На повестку дня встал вопрос о Жизни, науке физиологии и психологии как жизни.

Физиологи возвращаются к Декарту, психологи пытаются вступить на путь переговоров, но нужны культурные онтологические основания для диалога. Для это необходимо ввести определение психологии. Л. С. Выготский и Б. Е. Варшава, в первом психологическом словаре, ими созданном, не дают определения психологии, раскрывают историю понятия, но не определяют. «Психология является общим обозначением для целой системы наук, включающей в себя ряд отдельных дисциплин <...> Психология распалась на много различных направлений научной мысли, не образующих единой общепризнанной научной системы. По существу, это есть кризис методологических основ психологии» [Варшава 1991: 179]. Не дают авторы словаря и определения культурно-исторической психологии, потому что таковой еще не было как предмета ни в 1927 году, когда был завершен данный труд, ни в 1931 году, когда он был опубликован. В записных книжках Л. С. Выготского 1932 года встречается запись: «Определение психологии — есть реальный факт. Это главное: есть пс[ихическая] ж[изнь] и пси[хика] есть только как пс[ихическая] ж[изнь]» [Выготский 2017: 438]

Он раскрывает, что это означает с помощью обращения к Спинозе и сквозь его учение о страстях выводит не границы, а суть «психологии как науки о психологической жизни: не явления, ибо

a) не явления, но то, что проявляется в явлениях,
b) не одиночные явления, но нечто целостное,
c) не самостоятельные явления, но как часть чего-то,
d) не всякие и не со всех сторон явления (право, логика, педагогика), но в определенном отношении, — все это содержится в понятии жизни» [Выготский 2017: 270].

Стиль изложения схож с построением загадки «не то, но это» и предлагается ответ — понятие жизни. Можно предположить, что в качестве предмета новой психологии предлагалась — психическая жизнь, не являющаяся самостоятельной и пронизывающая явления, изучающаяся целостно в разных явлениях путем ее выделения и с помощью построения отношений между разными научными дисциплинами. Под способом изучения предполагалось — нахождение психической жизни в разных предметных областях человеческой жизни и исследование ее целостно в большем целом. Проект по своим масштабам грандиозный, реализован в современной психологии лишь частично в дисциплинах гуманитарного профиля, естественно-научного (психофизиология) и социокультурного (искусство и разные виды духовной культуры). По мере углубления мысли Л. С. Выготского предмет психологии меняется на личность, что, по большому счету, не сужает очерченные рамки в психической жизни.

Современное понимание психики и психологии, получившее свое признание, что отразилось в понятийном аппарате психологии, представленном в словаре, потеряло эту «живую нить», связь с живым человеком, его жизнью, отнесясь к нему как статистической единице, против чего предостерегал Л. С. Выготский, написав в записной книжке: «жизнь человека есть историческое явление, но именно жизнь человека — рождающегося, живущего и умирающего, — не статистической социальной единицы) [Выготский 2017: 270]. И далее: «Inde проблема человеческой жизни — живой, реальный, индивидуальный человек с его судьбой — основная проблема психологии» [Выготский 2017: 271].

То определение психологии, которое дано в Большом психологическом словаре: «Психология (от греч. psyche — душа + logos — учение, наука) — наука о закономерностях развития и функционирования психики как особой формы жизнедеятельности» [Авдеева и др.: 391] и психики как «форма активного отображения субъектом объективной реальности, возникшая в процессе взаимодействия высокоорганизованных живых существ с внешним миром и осуществляющая в их поведении (деятельности) регулятивную функцию» [Авдеева и др. 2009: 379] достаточно широкое определение, не выделяющее более четкие границы области знания и позволяющее исследовать психику совершенно разным научным дисциплинам вплоть до математики, что вполне обосновывает применение матстатистики в экспериментальной психологии. Вроде бы проект Л. С. Выготского не потерялся и имеет свою жизнь в этих определениях, но потерялось самое главное и проекта Выготского — человек, его жизнь. Человек не только стал высокоорганизованной материей, но свелся к регулирующей функции в отношениях с окружающей средой, хотя и назван субъектом. Налицо есть противоречие в определении. Регулирование можно было бы рассмотреть широко, включив в объем понятия наряду с регулированием еще и управление, и организацию, и самоуправление, и самоорганизацию, что свойственно субъекту, но это не оправданное расширение границ понятия, экспансия на другие области. Чем покреплена именно высокая организованность живых существ, что является отличием от не высокой организации живых существ? Регулирование не является отличительным признаком так как присуще обоим видам организованностей живых существ (животному и человеку). Субъектность является свойством высокой организации живых существ (человеку в деятельности), но оказалась сведенной к регулированию. Наши рассуждения внесены

в текст статьи для обозначения «разрыва» в точно вымеренных словах, выстраивающихся в определение. Попытка обойти решение базиса, заключающегося в решении психофизиологической проблемы, привела к витиеватости и продлила жизнь противоречию между психикой и физикой в психологии как науке, что и привело к экспансиям между ними.

Определение психофизиологии как: «...пограничная область *психологии*, изучающая роль всей совокупности биологических свойств, и прежде всего свойств н. с., в детерминации психической деятельности и устойчивых индивидуально-психологических различий. Многие психофизиологи понимают свою науку в более узком смысле — исследование нервных (нейронных) механизмов психической деятельности» [Авдеева и др. 2009: 407] дает более четкие границы предметной области и не предполагает подчинить и объяснить «психику через физику». Исходя из сопоставления представленных определений, не должно было бы быть противоречий между психикой и физикой, между психологией и психофизиологией, учитывая, что последняя имеет свои корни в физиологии, определяющейся как «наука о функциях и процессах, протекающих в организме или его составляющих системах, органах, тканях, клетках, и механизмах их регуляции, обеспечивающих жизнедеятельность человека и животного в их взаимосвязи с окружающей средой» [Федулов 2006: 5–6]. Вырисовывается вполне ясное положение психофизиологии как пограничной области в психологии и физиологии. Пограничная, но не захватывающая области знания за своими границами. Словарь — это определенная граница внутри и вне конкретного научного знания, которой должны придерживаться специалисты определенной научной дисциплины. Однако, как было показано выше, ситуация противоположная.

Область пересечения не есть область единства

Раскрытие становления, развития, угасания, распада внутренней жизни личности задача для психологии не нова, но она актуальна в любое историческое время, в силу отсутствия однозначных оснований психологии. Психология как веер — центральный предмет психика и много разных направлений ее определения. Область их пересечения не образуется при наличии разных онтологических оснований. Они накладываются друг на друга, раскрывая одно из проявлений. Проявления психики накладываются и это объявляется целым. Научные дисциплины изучают «кусочки» разорванного человека. У человека нет онтологических опор для своей «сборки». Философия и психология в своем союзе обязаны ими обеспечить. Но! Выявленные экспериментальными науками инструментальные основания, объявляются онтологическими и экстраполируются на другие «кусочки», встречаемое несоответствие отбрасывается. Сведение сложного объекта к более простому не является «хорошим тоном» для психологии как жизни (психической жизни). Е. П. Ильин, рассказывая о своей книге «Психология и физиология: союз или конфронтация?», замечает для слушателей: «Рефлексы головного мозга» были встречены многими выдающимися людьми отрицательно. Первый тираж был просто арестован. И против Сеченова было возбуждено уголовное дело. Рецензенты посчитали, что это нарушение нравов, религиозности и так далее, поскольку он говорил, что все поведение рефлекторно...» [Ильин, Алехин 2026].

Общество сопротивляется к сведению психологической жизни к простой реакции. Какие меры сопротивления, это уже другой вопрос, существенным является результативность действий в историческом разрезе развития научного знания, которое подлежит пересмотру и новому прочтению с новых позиций постенеклассической парадигмы. В тоже время власть сопротивляется свободе (например, запрет культурно — исторической психологии) тому, что делает психологическую жизнь полноценной, предпринимая меры по ее ограничению. Психология и физиология находятся между молотом и наковальней и только их союз на онтологических основаниях философии способен провести между ними.

Важен подход, который может в действительности распознать целое и объективировать его в научное знание. Личность не является продуктом рефлекса, как озвучивали рефлексологи, высшая психологическая (культурная функция) не произрастает их условного, безусловного, сочетательного рефлекса, как объявлялось объективной психологией, а высшая нервная деятельность не является первоосновой сознания, как утверждалось психофизиологией, мозгом не порождается сознание.

Философия, пытаясь найти ответ на поставленные ею вопрос: «Что есть человек?» имеет право на легкую нестрогость научного изложения, но не в его правдивости (подкрепленности фактом и теорией). Фактом являются в данном вопросе исследования психологии. «Какая психология должна была быть? Да, она должна была быть уже наукой. Эксперименты и так далее... Но, как говорил Челпанов: конечные ключи от психологии лежат в философии» [Братусь 2026] Философия и психология неразрывно связаны. Афоризм Г. Эббингауза, что психология имеет древнее прошлое и короткую историю, является хорошей иллюстрацией данной связи.

Каждое из направлений, школ, концепций психологии в своем обосновании предъявляет коренное укрепление в философии. Философия по своему предназначению должна быть как онтологическим, так и гносеологическим фундаментом всех наук, она задает направление исследований, ее «пустые места» закрываются другими опытными науками, ее строгие логические построения берутся для развития многих областей научного знания, ее противоречия и конфликты порождают дебаты среди ученых в построении базовых положений о предмете разных дисциплин.

Аристотель объявил о единстве физического и психического в человеке. Монизм и дуализм, Декарт и Спиноза, диалектический материализм — фундамент неразрешенной психофизической проблемы, тех непреодолимых трудностей понимания человека как «целое». Три подхода к «целому»: целое равно сумме его частей; целое не равно сумме его частей; каждая часть целого отражает в себе большее целое. Многообразие приводит к затруднениям. Так тезисно, как в записках Л. С. Выготского, можно обозначить ход дальнейшего рассуждения.

Затруднение 1. Психологический параллелизм как целое, равное сумме его частей.

Затруднение 2. Психическое и физическое как целое, не равное сумме его частей (больше / меньше).

Затруднение 3. Психическое и физическое как целое, отражающееся в каждой его части.

Основания первого затруднения в основоположениях Декарта о параллелизме физического и психического. Основания второго затруднения проистекают из гегелевской диалектики. Основания третьего затруднения обнаруживаются в основоположениях Спинозы.

Первое затруднение пытался разрешить основатель психологии Вильгельм Вундт и основатель структурализма Титченер.

Второе затруднение разрешала рефлексология Н. Бернштейна, персонализм В. Штерна и гештальтизм К. Коффки.

Третье затруднение нашло свое разрешение в трудах Б. М. Бехтерева и в трудах культурно-исторической психологии Л. С. Выготского.

Каждое из решений заслуживает особого внимания, в каждом есть плодотворные идеи, подтвержденные экспериментальными данными, каждое имеет свои ограничения.

Постенеклассическая парадигма закладывает новые границы «целого» и призвана привести к разрешению третьего затруднения, поэтому в данной работе более подробному рассмотрению подлежит решение третьего затруднения в психологии с помощью выделения доминанты: физиологами физиологической составляющей «целого», а культурно-исторической психологией психо-социо-культурной составляющей. Это не противоречие двух сторон: психологической и физиологической, это в их совместном «целом», их синтезе, когда психологическим состояниям соответствуют психофизиологические корреляты, есть выделение доминанты. Подход, кардинально отличный от решений первых двух затруднений.

Попытки разрешения третьего затруднения в физиологии

В. М. Бехтерев во введениях к своим фундаментальным трудам упоминает Рене Декарда как основоположника рефлекторной теории. Часто в научных работах приписывается Декарту применение понятия рефлекс, но такого термина он не вводил и в его работах рефлекс относится к биологии человека, а не к его физике. С помощью данного понятия Декарт объяснял поведение животных и автоматические реакции человека. Признается большинством научного сообщества, что В. М. Бехтерев пошел дальше Декарта, не останавливаясь на его механицизме и ограничениях, взяв за основу рефлекторную природу физике перенеся ее и на психику, высшие ее процессы, и тем самым преодолел дуализм двух субстанций заменив его эволюционным монизмом. Он попытался преодолеть редукционизм и выделял сложные взаимодействия психического и физиологического [Бехтерев 1991]. Его позиция более полно, на начальных этапах его психологических разработок, раскрывается в отношении к самонаблюдению: «Самонаблюдение составляет сущность наблюдательной психологии, настолько же плодотворной и законной, как самая экспериментальнейшая психология, какую только можно себе вообразить!» [Бехтерев 1991: 9]. Скрытые от объективного мира внутренние процессы, познаваемые только субъектом, признавались равноценными исследуемым внутренним механизмам объективными методами, к которым относился эксперимент. Психическому Б. М. Бехтерев придавал важнейшее значение и пытался понять целостное проявление взаимодействия психического и физического, которое следует изучать

как невропсихику. Он писал: «Мы будем пользоваться словом “психический”, мы будем придавать этому значению необычный смысл и не будем понимать под ним только субъективное, но всегда и те объективные или материальные процессы в мозгу, которым всегда и везде сопутствуют психические процессы, иначе говоря, невропсихику» [Бехтерев 1991: 8]. Он четко разделял и не претендовал на исследование самонаблюдения в построении объективной психологии, оставляя в стороне субъективную психологию. Его историческое время жизни и научная парадигма, тенденции и задачи научных исследований требовали объективности в субъективной жизни человека. По этим причинам необходимо было внести различение, что и было сделано с прозрачной расстановкой границ предметной области: «проявления невропсихики доступны и объективному наблюдению, и контролю, поскольку дело касается соотношения внешних воздействий с внешними же проявлениями психической деятельности. Этот род знания мы выделяем под именем объективных проявлений невропсихики, научную же дисциплину, которая имеет своим предметом изучение соотношения внешних воздействий с внешними же проявлениями невропсихики, мы называем объективной психологией» [Бехтерев 1991: 8]. В этих границах находились психофизиологические корреляты психического, объяснения работы мозга, влияющего на психическое. Обратное не входило в зону исследования, так как относилось к заграничной зоне субъективного. Следовательно, заключение о сведении Б. М. Бехтеревым психического к деятельности мозга с одной стороны, верное, с другой, является фальсификацией и редукционизмом. Пояснение Б. М. Бехтерева «мы ничуть не возражаем <...> если хотят осветить путем эксперимента факты сознания, служащие предметом исследования субъективной психологии. Но для целей объективной психологии, как мы ее понимаем, не только нет необходимости в субъективном анализе, но последнее вовсе не входит в ее задачи и представляется излишним» [Бехтерев 1991: 10]. Показав значимость субъективной психологии, определив границы и содержание объективной, связывая их между собой тем, что «субъективные символы, открываемые в нас самих при определенных внешних воздействиях, ничуть не могут быть рассматриваемы как совершенно излишние спутники объяснений изменений нервной ткани мозга <...> напротив того, они имеют существенное значение по отношению к самым основным проявлениям нервно-психической сферы и ее развитию <...> но при всем том нужно иметь ввиду, что качественные различия в субъективных знаках стоят в тесном единении с объективными изменениями в наших центрах, иначе говоря, они соответствуют количественным различиям в объективных или материальных процессах, происходящих в мозгу, а потому в вопросе изучения внешних проявлений невропсихики вышеуказанные субъективные знаки мы можем заменить соответствующими им объективными изменениями нервной ткани, обозначая их определенными названиями» [Бехтерев 1991: 13]. Субъективное, по мнению Б. М. Бехтерева, неотделимо от материального, от невропсихики, имеет в ней свои эквиваленты. В сознательном признавалось бессознательное, а к субъективным знакам относились ощущения, представления и слова. Его позиция выстраивалась в то время, когда самонаблюдение являлось основным методом исследования психики и нарастала необходимость в объективном.

Такое решение психофизиологической проблемы не является параллелизмом, а объединяет в единое сознание и физиологические процессы в головном мозге, при главенстве физиологических. Б. М. Бехтерев вводит понятие психорефлекс, что проложило путь к развитию научных психологических и нейропсихологических дисциплин в настоящее время.

Отношения культурно-исторической психологии Л. С. Выготского и монизма Б. Спинозы

В своих теоретических работах Л. С. Выготский мало ссылается на труды Спинозы, но в аутентичных записных книжках много внимания уделяет анализу его идей применительно к культурно-исторической психологии. Уникальный материал психолога для качественной психологии. Лев Семенович, скорее всего понимал это, храня мелко исписанные листочки и блокнотики. Для рассуждений, оформленных в данную статью, этот опубликованный материал Записных книжек является основополагающим.

Л. С. Выготский как наиболее важное выделяет: «NB! Молнии Спинозовской мысли освещают... Фрейд — лечение осознанием, связь с аффектом и влечениями. [На полях пометка со стрелкой к «Фрейд»:] Наши исследования о понятиях по спинозовской линии. <...> Понятие аффекта есть активное состояние и есть свобода. Свобода: аффект в понятии. <...> Грандиозная картина развития личности: путь к свободе. Оживить спинозизм в марксистской психологии» [Выготский 2017: 255–256] Следует заметить, что свободы не абсолютной, а относительной — «осознанной необходимости», где могуществу разума отводится главная власть в управлении страстями. Учение Б. Спинозы о страстях было положено Л. С. Выготским в идею свободы и овладения человеком собой. Свободным, по Выготскому, человек не рождается, он им становится, и как в марксизме обозначено — в процессе труда. А. Д. Майданский писал: «Спиноза рассматривал душевную жизнь как деятельную игру аффектов, а человеческую свободу связывал с укрощением страстей при помощи понятий разума. Вслед за ним Л. С. Выготский трактует аффект как “альфу и омегу” психологического развития» [Майданский 2022: 7].

Что такое овладение страстями с помощью понятия?

В наших работах [Сизикова, Кудрявцев 2023a; Сизикова, Кудрявцев 2023b] мы реконструировали представление Л. С. Выготского по данному вопросу. Л. С. Выготский и Б. Спиноза указывали на то, что следствием развития рефлексии, необходимостью в психике такой функции, является овладение человеком собой, своим поведением и своими психическими функциями. Л. С. Выготский, рассматривая становление высших психологических функций, в качестве механизма данного процесса выделял связь между осознанием, произвольностью и логичностью. Трансформация в динамической гетерохронной по своим процессам психике натуральных (психических) функций в психологические (культурные) осуществляется с помощью этого механизма, но не его одного, а входящего в состав триединства: осознания как рефлексии, отделяющегося от психической функций, в которую оно было встроено; произвольности, как воли, проходящей все тоже отделение и выделение в самостоятельную функцию: логичности, которая занимает особое положение и является одним из про-

явлений мышления, отделяясь от психической функции, которой придавала определенные свойства — логическое внимание, логическая память и т.п., т.е. интеллектуализацию функции, укрепляет самостоятельность мышления как функции, упрочивает более четкую дифференциацию функций и по мере развития в триединстве освобождает место мотиву. Таким образом механизмом процесса развития натуральных функций является триединство осознание — логичность — произвольность, трансформация натуральных функций в психологические осуществляется за счет отделения этого триединства от функции, в которую он был врощен, и одновременного изменения в развитии этого триединства в качестве построения новых связей с мотивом и освобождения от логичности, полной передачи ее функций мышлению. Личность, по Выготскому, это единство всех психологических функций. Овладение личностью собой свершается с помощью механизма, представляющего собой триединство рефлексия — мотив — воля. Это триединство как логичность — произвольность — осознание врощенное в психических функциях, так и сформировавшееся путем трансформации в самостоятельное триединство рефлексия — мотив — воля среди психологических функций в нашей реконструкции взглядов Л. С. Выготского представляет собой «свободное действие», определяющее свободу человека [Сизикова, Леонов, Поликанова 2024].

Закономерно встает вопрос: «Где в данном рассуждении понятие?» Понятие — это снятое единство аффекта и интеллекта, имеющее культурный смысл, закрепленный в значении. «... порядок идей — часть единой вещи — влечений, аффектов, а познание есть аффект; гипотеза единства сознания (понятие = аффект = воля) и гипотеза единства души и тела объясняют это. Спиноза учит могуществу разума — ergo он не параллелист. Наоборот, Спиноза показывает влияние: познание зависит от тела, но не механически; образ жизни — от порядка идей; бегство свободное, т.е. поведение — от великодушия» [Выготский 2017: 263]. Получается, что одно триединство, определяющее психические функции, является основанием триединства в личности: тело — идея — аффект как психическое и познание — образ жизни — поведение как психологическое. «Центр спинозовского учения — познание изменяет жизнь <...> Все учение Спинозы проникнуто идеей тождества порядка и связи идей и состояний тела, так что, рассматривая движение и судьбу аффектов, <нрзб> мы eo ipso изучаем образ жизни, поведение etc. Спиноза учит как психическое изучать психологически» [Выготский 2017: 262–263]. Что же значит для Л. С. Выготского у Спинозы переосмысляя его «Этику»? «Традиционная проблема (наше: психофизиологическая) превращена у Спинозы в постулат, и он исходит из единства психического и физического (una res). Но обычный постулат о несводимости психики к материальности превращен у него в проблему: в чем реальное своеобразие психики, в чем специфичность человеческой души. Только с этого начинается психология как наука» [Выготский 2017: 267]. В ответах на поставленные вопросы Л. С. Выготский находит у Спинозы единство аффекта и интеллекта, единство переживания и поведения, что будет развивать в своей новой психологии. А. Д. Майданский подробно исследовал развитие в культурно-исторической психологии спинозовского представления об аффектах [Майданский 2022].

Решение культурно-исторической психологией психофизиологической проблемы

Позицию Л. С. Выготского в решении психофизиологической проблемы лаконично выразил А. Д. Майданский: «Психическая жизнь рассматривается Выготским как более высокий "этаж" эволюции по сравнению с физиологическими процессами. Отношение психики к "физике" — это отношение между двумя ступенями (высшей и низшей) развития живой природы. Ровно такое же отношение существует между биологическими процессами и химическими реакциями или, например, между линиями культурного и органического развития детской психики. Они сплетаются, образуя диалектическое единство, где низшее "снимается" в высшем, а высшее осуществляется через низшее, при этом подчиняя его развитие своим собственным нуждам» [Майданский 2026: 12]. Полноценное исследование, связывая исторические события жизни Л. С. Выготского и решением им психофизиологической проблемы, дано в работе А. Д. Майданского «Л. С. Выготский о "психологической физиологии"» [Майданский 2026].

Мы представим один фрагмент, наиболее полно раскрывающий взгляд на психическую жизнь, которую надобно исследовать психологии, решая психофизиологическую проблему в любом моменте жизни. Л. С. Выготский пишет в записной книжке: «Звуковой раздражитель [связать] — С личностью». Решение психофизиологической проблемы проще и явственнее невозможно обозначить. Эта запись была сделана, скорее всего, после обсуждения доклада Л. С. Выготского по проблеме эмоций, где была, предположительно, затронута тема «Страх в условиях войны». По одним заметкам можно предположить, что они были сделаны после обсуждения доклада. Представленная запись завершала пункты, сформированные, после обсуждения доклада с Львом Марковичем Розенштейном. Пункты связали между собой профессиональную деятельность Розенштейна, его теоретические взгляды, его опыт, обращение к страху. После всех 5 пунктов заключительной была эта запись. «1) Был полковым врачом. Видел эмоции на войне. 2) Теоретические построения — но нет личности, нет целостности, проблемы личности в коллективы, что изменяет эмоцию. 3) Проявления страха — невроз, контузия. Материал повреждения наравне с ранениями. 4) Военный врач — полевой хирург, полевой эпидемиолог (до войны): психогигиенист (после войны). 5) От теории к практике — неверно. Теории [должны возникать] из практики. Не частности (не thalamus) — часть всей личности. В разных ситуациях по-разному реагируют. Необязательно появление страха» [Выготский 2017: 276]. Личность — профессия — опыт — эмоция — концепция — такова связь в выделенных пунктах. Л. С. Выготский мыслит и рассматривает других из фокуса той психологии, живой психологии, которую распознает в человеке и строит теоретически. Он сам живет своей создаваемой психологией.

Как же связать звуковой раздражитель с личностью? Физиологическое связывается с личностью посредством знака. Человек по сравнению с животными переходит от простой сигнализации к сигнификации — созданию и использованию искусственно созданных знаков. Звук приобретает значение. Звуковой раздражитель является средством социальной связи. Внешний звук трансформируется во внутреннюю речь и тем самым, социальное отношение, закодированное в звуковом знаке (слове), переносится внутрь личности и тем самым она обретает способность к саморегуляции, воле и осознанному управ-

лению собой, своими психическими процессами и поведением. С помощью или посредством чего переносится? Механизм, представляющий собой «единицу анализа целого»: единство осознания — логичности — произвольности, осуществляет интериоризацию. В звуковом раздражителе важно его культурное значение. Этот принцип связи физиологического и личности Л. С. Выготский рассмотрел в указательном жесте младенца, который, как и звуковой раздражитель, из орудия становится знаком. Знак и его культурное значение является связующим звеном в цепочке связи физиологических процессов и личности, «...знак становится значимым для индивида тогда, когда он вызывает какой-нибудь аффективный отклик; его значимость пропорциональна силе этого отклика. То же самое касается чувственных восприятий, идей и вообще любых внешних факторов психической деятельности. Чем мощнее аффект, тем более значим предмет, его вызывающий» [Майданский 2022: 10]. Можно вывести сокращенную версию связи любого сигнала с личностью: сигнал — аффект — знак (в первую очередь слово) — личность.

А. Д. Майданский в качестве краеугольного камня культурно-исторической психологии определил решение вопроса о локализации психических функций, который решить способна психологическая физиология. Л. С. Выготский пишет:

> «Наши рассуждения по вопросу о локализации: для нас в центре локализации стоят экстрацеребральные связи — ср. Jackson: при понимании — другой возбуждает у меня в мозгу связи — я его жертва; при понимании себя — один участок мозга связывается с другим через периферию. Опосредование создает принципиально новые типы связей в нервной системе. Что невозможно для одного человека, возможно для двух. Регулировка через периферию — частный принцип в организации нервной системы. Главное — contra локализации» [Выготский 2017: 482]

Психологическую физиологию необходимо строить на единстве физиологических процессов и психологических при приоритете психологических, на основании того, что «психика целенаправленно изменяет морфологию мозга и формирует нервные связи, необходимые для ее работы и саморазвития» [Майданский 2026: 12]. А. Д. Майданский констатирует, что термин «психологическая физиология» Л. С. Выготский употребляет один раз в своих записках. Л. С. Выготский пишет:

> «Наша точка зрения: contra параллелизм, contra взаимодействие, единство и главенство! ... единство психофизиол[огических] процессов и главенство психич[еского] момента» (Выготский, 1932). И далее «Главное: возможность нового движения — нового изменения психофизиол[огических] процессов, новых связей, нового типа развития, в частности — исторического. Пример: слово и его значение», «исследование психологических процессов; вершинная т[очка] зр[ения] в психофизич[еской] проблеме. Главное: возможность, вносимая сознанием, нового движения, нового изменения психофизиол[огических] процессов, новых связей, нового типа развития функций — в частности исторического с изменением межфункциональных связей <...> Пример: слово и его значение. <...> Возможность социального сознательного опыта, а отсюда и первичность сознательных структур, строящихся извне, через общение: что невозможно для одного, возможно для двух. — В проблеме психол[огического] развития и локализации конкретизация этой т[очки] зрения: ср. экстрацеребральные связи. Идея психологической физиологии» [Выготский 2017].

Психологической физиологии надлежит исследовать психофизиологические процессы не снизу, а сверху, на основе принципов культурно-исторической психологии, только в таком виде психофизиологическая проблема находит свое адекватное, подтвержденное экспериментом, самой жизнью решение, без экспансии на психологические на основании того, что высшие психологические функции имеют свои корреляты в физиологии, которая изучает их от сознания, его смысловых структур, личности как совокупности социальных отношений и единства всех психологических (культурных) функций, деятельности, общения, культуры, истории, социальной ситуации, с помощью знания об опосредовании (знаках), т.е. исследует исходя из любых видов отношений.

Проект психологической физиологии получил свое развитии в трудах А. Р. Лурия [Лурия 2026] и его учеников, но потерял свое первоначальное название. Проект разработки психологической физиологии является перспективным в современных условиях. Наши разработки [Сизикова и др. 2025; Сизикова и др. 2024 a,b,c] по проблеме рефлексии связаны с определением психофизиологических коррелятов ЭЭГ и ВРС, регистрируемых при решении задачи на рефлексию в игровой деятельности, выполнении развивающих проективных методик, относящихся к полю эмаго-рефлексивных средств.

Заключение

В современных условиях решение культурно-исторической психологией психофизиологической проблемы является актуальным, перспективным и единственным, подтверждающим свою валидность в ретроспективе исторического времени.

Л. С. Выготский оставил в наследство психологам и физиологам направление развития их союза на основах культурно-исторической психологии в психологической физиологии.

Литература

Авдеева 2009 — *Авдеева Н. Н. и др*. Большой психологический словарь / Под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. М.: АСТ; СПб.: Прайм-Еврознак, Физическое описание, 2009.

Бехтерев 1991 — *Бехтерев Б. М*. Объективная психология. М.: Наука, 1991.

Братусь 2026 — *Братусь Б. С*. Психология и метафизика. 140 лет Психологическому обществу и 30 лет «Психологической газете». Доклад. URL: https://psy.su/feed/13646/

Варшава, Выготский 1991 — *Варшава Б. Е., Выготский Л. С*. Психологический словарь. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1991.

Выготский 2017 — *Выготский Л. С*. Записные книжки. Избранное (Е. Завершнева, Р. ван дер Веер, общ. ред.). М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2017.

Выготский 1932 — *Выготский Л. С*. Записная книжка. Октябрь 1932 года [Электронный ресурс] / подгот. текста и коммент. Е. Завершневой, публ. Г. Л. Выгодской. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2007/3/zapisnaya-knizhka-oktyabr-1932-goda.html (дата обращения: 29.06.2026).

Ильин, Алехин 2026 — *Ильин Е. П., Алехин А. Н*. Психология и физиология: союз или конфронтация? Стенограмма доклада И. П. Ильина в рамках методологического семинара кафедры клинической психологии психолого-педагогического факультета РГПУ им. Герцена. URL: https://psy.su/feed/13847/

Федулов 2006 — Краткий словарь физиологических понятий / Сост. В. К. Федулов. Ульяновск: УВАУ ГА, 2026.

Майданский 2022 — *Майданский А. Д.* Учение Спинозы об аффектах в культурно-исторической психологии // Концепт: философия, религия, культура. 2022. Т. 6. № 2. С. 7–19.

Майданский 2026 — *Майданский А. Д.* Л. С. Выготский о «психологической физиологии» // Культурно-историческая психология. 2026. № 22 (1). С. 10–17.

Сизикова и др. 2024a — *Сизикова Т. Э., Леонов С. В., Поликанова И. С.* Свободное действие и его психофизиологические корреляты // Культурно-историческая психология. 2024. № 20 (2). С. 15–22.

Сизикова и др. 2024b — *Сизикова Т. Э., Леонов С. В., Поликанова И. С.* Динамика вариабельности сердечного ритма в задаче на рефлексию при разных уровнях тревожности // Экспериментальная психология. 2024. № 17 (3). С. 168–184.

Сизикова и др. 2024c — *Сизикова Т. Э., Леонов С. В., Поликанова И. С.* Влияние рефлексии на электрофизиологическую активность мозга в зависимости от уровня тревожности // Российский психологический журнал. 2024. № 21 (3).

Сизикова, Кудрявцев 2023a — *Сизикова Т. Э., Кудрявцев В. Т.* Схема теории Льва Выготского. Часть I // Культурно-историческая психология. 2023. №. 19 (2). С. 9–17.

Сизикова, Кудрявцев 2023b — *Сизикова Т. Э., Кудрявцев В. Т.* Схема теории Льва Выготского. Часть II // Культурно-историческая психология. 2023. №19 (3). С. 23–29.

Сизикова и др. 2025 — *Сизикова Т. Э., Леонов С. В., Поликанова И. С.* Психофизиологические корреляты особенностей рефлексии при разной степени тревожности // Сибирский психологический журнал. 2025. № 95. С. 61–78.

References

Avdeeva 2009 — Avdeeva N. N. et al. Big psychological dictionary / Edited by B. G. Meshcheryakov, V. P. Zinchenko. Moscow: AST; St. Petersburg: Prime-Euroznak, Physical description. 2009. In Russian.

Bekhterev 1991 — Bekhterev B. M. Objective psychology. M.: Science, 1991. In Russian.

Brother 2026 — Brother B. S. Psychology and metaphysics. 140 years of the Psychological Society and 30 years of the Psychological Newspaper. Report. URL: https://psy.su/feed/13646/

Warsawa, Vygotsky 1991 — Warsawa B. E., Vygotsky L. S. Psychological dictionary. M.: State Educational and Pedagogical Publishing House, 1991. In Russian.

Vygotsky 2017 — Vygotsky L. S. Notebooks. Favorites (E. Utsvotneva, R. van der Veer, general editor). M.: «Canon+»; ROOI «Rehabilitation», 2017. In Russian.

Vygotsky 1932 — Vygotsky L. S. Notebook. October 1932 [Electronic resource] / text prepared and commentary. E. Complete, publication G. L. Vygotskaya. In Russian. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2007/3/zapisnaya-knizhka-oktyabr-1932-goda.html (access date: 29.06.2026).

Ilyin, Alekhin 2026 — Ilyin E. P., Alekhin A. N. Psychology and physiology: union or confrontation? Transcript of the report by I. P. Ilyin within the framework of the methodological seminar of the Department of Clinical Psychology of the Faculty of Psychology and Pedagogy of RSPU named after Herzen. In Russian. URL: https://psy.su/feed/13847/

Fedulov 2006 — A brief dictionary of physiological concepts / Const. V. K. Fedulov. Ulyanovsk: UVAU GA, 2006. In Russian.

Maidansky 2022 — Maidansky A. D. Spinoza's doctrine of affects in cultural and historical psychology // Concept: philosophy, religion, culture. 2022. Vol. 6. № 2. P. 7–19. In Russian.

Maidansky 2026 — Maidansky A. D. L. S. Vygotsky about «psychological physiology». Cultural and Historical Psychology. Vol. 22 (1). P. 10–17. In Russian.

Sizikova, Kudryavtsev 2023a — Sizikova T. E., Kudryavtsev V. T. Scheme of Lev Vygotsky's theory. Part I. Cultural-Historical Psychology. Vol. 19 (2). P. 9–17. In Russian.

Sizikova, Kudryavtsev 2023b — Sizikova T. E., Kudryavtsev V. T. Scheme of Lev Vygotsky's theory. Part II. Cultural-Historical Psychology. Vol. 19 (3). P. 23–29. In Russian.

Sizikova 2024a — Sizikova T. E., Leonov S. V., Polikanova I. S. Free action and its psychophysiological correlates. Cultural-Historical Psychology. Vol. 20(2). P. 15–22. In Russian.

Sizikova et al. 2024b — Sizikova T. E., Leonov S. V., Polikanova I. S. Dynamics of heart rate variability in a reflection task at different levels of anxiety // Experimental Psychology. No. 17 (3). P. 168–184. In Russian.

Sizikova et al. 2024c — Sizikova T. E., Leonov S. V., Polikanova I. S. The effect of reflection on the electrophysiological activity of the brain depending on the level of anxiety // Russian Psychological Journal. No. 21 (3). In Russian.

Sizikova et al. 2025 — Sizikova T. E., Leonov S. V., Polikanova I. S. Psychophysiological correlates of reflection features at different levels of anxiety // Siberian Psychological Journal. 2025. No. 95. P. 61–78. In Russian.